

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М42

Медведев, Вадим Андреевич.

М42 В команде Горбачева / Вадим Медведев. – Москва : Алгоритм, 2016. – 272 с. – (Легендарные политические мемуары).

ISBN 978-5-906842-00-8

Автор этой книги Вадим Андреевич Медведев работал вместе с Горбачевым все годы «перестройки», был членом Политбюро, председателем Идеологической комиссии ЦК КПСС. Входил в ближайшее окружение М. С. Горбачева.

В своих воспоминаниях В.А. Медведев рассказывает о М.С. Горбачеве и событиях «перестройки» – от ее зарождения, когда только формировались основные идеи, до «удара в спину» в августе 1991 года, приведшего к смене власти в стране и развалу Советского Союза. В книге показаны не только политика Горбачева, но и жаркие споры в его ближайшем окружении, полемика с консервативными и радикальными силами. Отдельное внимание уделяется личности Михаила Горбачева, который предстает на страницах этих воспоминаний в новом, порой неожиданном виде.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906842-00-8

© Медведев В.А.
© ООО «Издательство Алгоритм», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Андропов — предтеча перестройки?	6
«Эмбриональный период»	18
Горбачев приходит к рулю	30
«Бунт Ельцина»	51
XIX партконференция и после нее	85
Горбачев становится Президентом	101
Последний съезд КПСС	135
Ельцин переходит в наступление	186
Август 91-го. Кто кого предал	224
Распад СССР	252

Андропов — предтеча перестройки?

Зачем затеяли всю эту передрагу с перестройкой? Жили не очень-то хорошо, но и не очень плохо, не богато, но и небедственно; политически и в смысле отношений между нациями и народами небезоблачно, но и без серьезных конфликтов. Так вот на тебе — все разворошили, разворотили, посеяли анархию и смуту, привели экономику к полному расстройству, а страну — к фактическому развалу.

Такие настроения после мучительных поисков, бурного и противоречивого развития событий, встряхнувших страну и выведших ее из привычного состояния, резкого нарастания экономических неурядиц, обострения социальных и межнациональных конфликтов довольно широко распространились в массовом бытовом сознании. Но есть попытки и возвести их в своего рода теорию, — в этом смысле важно и даже необходимо еще и еще раз возвращаться к истокам перестроечных идей, причинам, вызвавшим их появление.

Невиданно быстрый и активный положительный отклик на эти идеи в народе говорит об их назревшем характере, о том, что они выразили глубинные пласты настроений людей, спонтанное мнение народа — так дальше жить нельзя.

За всем этим стоит несомненный факт: страна в 70-е годы вползала в полосу торможения и упадка — как результат общего кризиса всей сложившейся ранее общественно-политической и социально-экономической системы. Сейчас это совершенно ясно для каждого.

Но и тогда нарастало сознание неблагополучия. Восьмая пятилетка (1966-1971 гг.) была, пожалуй, последним успешным периодом социально-экономического развития страны. Темпы

экономического развития под влиянием хозяйственной реформы 60-х годов, более или менее благоприятных внешнеэкономических факторов оказались даже несколько выше, чем в предшествующие годы. Осуществлены и многие важные социальные меры, в частности, развернуто жилищное строительство.

В дальнейшем экономическое развитие стало быстро и неуклонно ухудшаться. Два последующих пятилетних плана, включая их социальные программы, оказались сорванными. До поры до времени экономическая конъюнктура поддерживалась высокими мировыми ценами на топливно-энергетические и сырьевые ресурсы. Страна в значительной степени жила за счет транжиривания своих природных богатств. В отличие от стран Запада она не только не пострадала от энергетического кризиса и революции цен на энергоресурсы, а напротив, выиграла от них. Но в 80-е годы и этот фактор исчерпал себя. Наступил период стагнации, который шаг за шагом подвел к черте, за которой началось абсолютное снижение производства. Лишь один сектор экономики постоянно пребывал в цветущем состоянии — это военно-промышленный комплекс. Страна изнывала под гнетом непосильного бремени военных расходов.

На словах громогласно провозглашалось «все во имя человека, все для блага человека», а на деле острота социальных проблем нарастала.

Это относится прежде всего к продовольственному вопросу. Каждый год вели «битву за урожай», но положение на продовольственном рынке независимо от размера урожая не улучшалось.

Десятилетиями люди обречены были на пустые прилавки и длинные очереди. В убогом состоянии пребывало производство потребительских товаров, сферы услуг, досуга, отдыха.

Все это находилось в резком контрасте с экономическим процветанием западных стран. Сопоставление с Западом уже нельзя было скрыть за «железным занавесом». Люди все чаще задавали себе вопрос, почему же страна с самым передовым общественным строем, как это постоянно подчеркивалось, провозглашающая к тому же приоритет человека, не может в течение

долгих лет решить даже элементарные вопросы жизни людей, не говоря уж о выходе на новый, современный, качественно иной уровень благосостояния?

Более того, советское общество стало быстро терять позиции и в тех сферах, в которых оно на прежних этапах продемонстрировало свои огромные возможности. Речь идет о сфере образования, науки, социального обслуживания населения. Оказалось, что и здесь мы начинаем безнадежно отставать. Перестала срабатывать и прежняя система аргументации, что, дескать, нам пришлось на предшествующих этапах преодолевать исторически сложившееся отставание. Ведь в ряде новых областей науки и техники (вычислительная техника, ядерная энергетика, космическая техника) мы вначале не так уж сильно отставали, а во многих отношениях были даже впереди.

Еще одна чрезвычайно чувствительная область, в которой проявился общий кризис системы, — это права и свободы человека, особенно на фоне большого их продвижения вперед в западных странах. Все более очевидным стало расхождение между нашими внутренними порядками и общепризнанными нормами международного права. Нельзя сказать, что было широкое недовольство и тем более возмущение преследованием инакомыслящих и диссидентов, ограничением свободы печати, других гражданских прав. Но подспудно и в этой сфере росли непонимание, недовольство существующими порядками.

* * *

Гнетущее чувство вызывали облик престарелых, немощных руководителей, обстановка славословия и словоблудия, щедрые раздачи орденов и самонаграждения. Сложилось правление геронтократии, цепко державшейся за свои кресла. Ее олицетворяли прежде всего Брежнев, Тихонов, Кириленко, Гришин — личности посредственные, ничем не выдающиеся, кроме умения лавировать, поддерживать себе подобных и получать у них поддержку. Что касается Суслова, Устинова, Громыко, Андропова, то

и их «стабильность руководства» устраивала, поскольку гарантировала невмешательство в подчиненные им «вотчины». Сформировался слой всесильных республиканских и областных руководителей, своего рода партийных губернаторов, черпающих силу на местах из близости и верноподданнического служения Генсеку: Кунаев, Алиев, Рашидов, Щербицкий, Шакиров, Медунов, Горячев, Георгиев, Юнак, Гудков, Бондаренко, Куличенко, Бородины — астраханский и кустанайский, Лощенков и многие другие.

Так или иначе в общество проникали сведения и о моральном разложении некоторых из этих лиц, нарушениях законности, безнаказанности. Многие честные люди, не изверившиеся в системе, склонны были объяснять подобные факты недостатками кадровой работы, но постепенно все более и более вызревало понимание, что дело тут не только в этом, а в сложившейся системе власти и управления.

Практически руководители были полностью ограждены от контроля снизу — не только со стороны народа, но и партийных организаций. Хотя формально они избирались на конференциях и пленумах партийных комитетов, эта процедура была настолько выхолощена, что практически гарантировала избрание при одном лишь условии — было бы одобрение сверху. Лишь в самых исключительных и крайних случаях система давала какие-то осечки.

В течение десятилетий в стране складывалась психология почитания вождей. Она так и не была искоренена в результате критики культа личности Сталина. Да, пожалуй, подобная цель и не преследовалась. Речь шла по большей части об оценке личных качеств этого вождя.

Но если Н.С.Хрущев пользовался как неординарная личность и уважением, и популярностью, то этого никак нельзя сказать о Брежневе. К концу же своей жизни и деятельности, перейдя за разумные возрастные пределы, он стал объектом иронии и даже насмешек — а это самое страшное для человека вообще, не говоря уж о политическом деятеле.

Маразм руководства достиг своего апогея при Черненко, который не обладал элементарными качествами политического деятеля, и к тому же стал Генсеком будучи безнадежно больным.

С помощью жесткой дисциплины, искусственных пропагандистских приемов, которые, впрочем, не воспринимались в народе и давали лишь внешний пропагандистский эффект, государственный корабль кое-как поддерживался на плаву, но динамизм и скорость утратил. Страна шла навстречу большой беде.

Конечно, сознание глубины кризиса пришло не сразу. Лишь в ходе перестройки стало ясно, что политическая и социально-экономическая система, мобилизационная модель общества, которая была заложена еще в предвоенные годы и в основе своей сохранялась до последнего времени, позволяла, хотя и не без издержек, решать экстраординарные задачи индустриализации, обороны страны, оказалась совершенно непригодной для вхождения в постиндустриальную эпоху.

В отличие от западного капитализма, который сумел трансформироваться и адаптироваться к новым условиям и открыл тем самым простор для перехода к новой цивилизации, советская административно-командная система, называвшая себя социалистической, искусственно консервировалась. Отдельные попытки ее реформирования оказались робкими, непоследовательными и не доводились до конца.

Долго такое состояние сохраняться не могло. Усредненному благополучию неизбежно пришел бы конец. Рано или поздно, максимум через пять лет, это привело бы к взрыву колоссальной силы.

Избежать такого спонтанного и такого грозного исхода событий можно было лишь проявив инициативу сверху, начав трудный и болезненный процесс перестройки всех основных сфер общественной жизни.

* * *

Подспудные надежды на обновление, копившиеся в глубине общественного сознания, отчетливо проявились, когда к ру-

ководству партией, а следовательно, и к власти в стране пришел Юрий Владимирович Андропов.

Даже простые меры по наведению порядка в стране, борьбе с коррупцией, подтягиванию расшатанной дисциплины — подчас даже меры не очень демократичные, вроде облав на улицах — встретили широкое одобрение не только в рабочих коллективах, но и среди некоторой части интеллигенции.

Сыграли свою роль и кадровые перемены: удаление с государственных постов министра внутренних дел Щелокова Н. А., а из партийного аппарата — управляющего делами ЦК КПСС Павлова Г. С., первого заместителя Отдела организационно-партийной работы Петровичева Н. А., заведующего Отделом науки и учебных заведений Трапезникова С. П., входивших при Брежнев вместе с заведующим Общим отделом К. М. Боголюбовым в так называемый «узкий рабочий кабинет», который предопределял многие важнейшие решения. С приходом Андропова их вселинию был положен конец. Петровичев был направлен в Комитет по профтехобразованию, Трапезников и Павлов — на пенсию. Послом в Румынию направлен заведующий Отделом пропаганды Тяжельников. Е. М.

Особо нужно сказать о Павлове. Самое беглое ознакомление с деятельностью Павлова как Управляющего делами, проведенное по поручению Андропова, показало, что он, пользуясь своей близостью к Брежневу, вытворял что хотел. Обоснованное возмущение вызывали излишества в сооружении новой гостиницы и нового зала для заседаний Пленумов ЦК (Андропов даже избегал по этой причине проведения заседаний Пленумов в этом помещении), шикарных санаториев и других объектов.

Мне как члену Центральной ревизионной комиссии привелось принять участие в изучении деятельности издательства «Правда» того периода. Выявился полный произвол со стороны Управления делами в использовании материальных и денежных ресурсов, не считающегося с существующими законами.

Что касается Трапезникова, то о нем сказано в мемуарном и публицистическом жанре более чем достаточно. Это желчный,

больной человек, абсолютно оторванный от реальной жизни, жил в мире идей и представлений, сформировавшихся еще в 30-е годы. Он явно считал себя чуть ли не главным истолкователем истории и идеологии партии и пытался навязать свои представления общественным наукам, не гнушаясь методами разноса и разгрома неугодных людей.

Со мной он держал себя внешне лояльно, но мне было хорошо известно о предубежденности по поводу моей творческой деятельности и практических шагов. Вопреки его сопротивлению мне удалось добиться утверждения заведующим кафедрой политэкономии Академии общественных наук Л. И. Абалкина, который до этого находился в опале, опять же по вине Трапезникова. Но Трапезников решительно воспротивился привлечению в академию из Новосибирска А. Г. Аганбегяна.

В руководстве партии заметно возросла роль Горбачева. Здесь появились новые люди, секретарем ЦК по экономике стал Н. И. Рыжков, заведующим Отделом организационно-партийной работы — Е. К. Лигачев. Управляющим делами ЦК КПСС назначен Н. Е. Кручина. К. М. Боголюбов остался во главе Общего отдела ЦК, но под него был «подставлен» в качестве первого зама А. И. Лукьянов. Передвижки коснулись и меня.

В начале августа 1983 г. секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин позвонил мне в Гагру, где я проводил отпуск, и попросил срочно выехать в Москву.

Через несколько дней меня пригласил для беседы Горбачев. Мое знакомство с ним началось где-то в середине 70-х годов с участия в одной из научно-практических конференций в Ленинграде по экономическому образованию, проводившихся в те годы регулярно по всей стране.

После перехода Горбачева на работу в ЦК КПСС он часто выступал в Академии общественных наук перед слушателями курсов руководящих партийных работников. Я присутствовал практически на всех его выступлениях и убедился в свежести, раскованности мышления этого человека, его широкой эрудиции. Он

не был похож на обычных партийных руководителей областного, краевого и республиканского масштаба, которых я хорошо знал.

Как правило, после выступлений мы обсуждали те или иные острые проблемы. Я вспоминаю, что именно тогда обговаривались идеи применения принципа продналога между центром и регионами по продовольственным вопросам, о необходимости большей свободы хозяйствам, о том, что пора перестать лихорадочно свозить зерно и другие сельхозпродукты в крупные государственные зернохранилища. Поднимались проблемы преодоления дефицитности в нашей экономике, диктата производителя и другие.

Однако на сей раз разговор с Горбачевым касался моего перехода в ЦК в качестве заведующего Отделом науки и учебных заведений. Решение принималось с учетом того, что мне не потребуется каких-то больших усилий для вхождения в дело, учитывая мою прошлую научно-педагогическую деятельность, работу в Ленинградском горкоме КПСС, Отделе пропаганды ЦК КПСС и в Академии общественных наук.

Серьезных аргументов против у меня не нашлось, хотя работа в Академии общественных наук была, пожалуй, для меня самым плодотворным и приносящим удовлетворение периодом деятельности. Впрочем я понимал, что речь идет о моем приобщении к участию в больших переменах в партии и стране. Именно на этой встрече с Горбачевым я сказал, что он может полностью рассчитывать на меня в обновлении деятельности партии. К этому я больше никогда не возвращался. Но старался следовать данному заверению.

Завершив разговор, Михаил Сергеевич позвонил по телефону Ю. В. Андропову, и мы направились к нему. Беседа была непродолжительной и, естественно, вращалась вокруг вопросов, относящихся к компетенции Отдела науки и учебных заведений. Генеральный секретарь сказал, что работа на этом участке оказалась запущенной. Трапезников больше занимался искоренением идеологической крамолы, кроме того над ним

довлел синдром неудачных попыток во что бы то ни стало пробиться в академики. «Надо осмыслить коренные проблемы реформы образования в стране, изменить обстановку в научных учреждениях, дать стимулы к ускорению научно-технического прогресса и, конечно же, заняться положением дел в области общественных наук», — подчеркнул Андропов.

* * *

Это была моя вторая личная встреча с Юрием Владимировичем. А предыдущая состоялась примерно за год, когда он был секретарем ЦК по идеологии. Я позвонил ему по телефону, попросил о встрече и сразу же получил согласие.

Встреча эта была для Академии общественных наук и меня лично очень важной ввиду того, что, начиная с 1980 года, сложились довольно трудные отношения с Управлением делами, отделами ЦК КПСС и с курирующими секретарями ЦК.

В конце 1980 г. Павлов, Петровичев, Трапезников с участием секретарей ЦК КПСС — Капитонова и Зимянина подвергли меня унижительной проработке. Речь шла о содержании работы академии и ее перспективах как творческого центра. Кураторы из ЦК КПСС вели линию на превращение АОН в чисто кадровое учебное заведение, не желая создавать условия для серьезной научно-исследовательской деятельности. Я же настаивал на развитии академии и как серьезного научного центра, создании условий для научной работы преподавателей. При этом ссылался на соответствующие документы ЦК по этому вопросу, не полагаясь на понимание моими собеседниками той истины, что без творческого начала и подготовка кадров невозможна.

Меня решили проучить за строптивость, устроив коллективную «трепку», а после этого усилились мелочные придирки. На XXVI съезде КПСС не допустили моего избрания в ЦК КПСС, оставив меня членом ЦРК, где я состоял и раньше, не будучи ректором академии. Всесилие «теневого кабинета» сказалось и здесь.

Естественно, об этом конфликте я речь не заводил. Главной темой разговора были облик академии, ее научный потенциал,

реализация огромных возможностей подкрепления партийной работы исследовательской деятельностью, в том числе изучением общественного мнения. По всем этим вопросам я был внимательно выслушан и полностью поддержан. В дальнейшем Андропову стали регулярно направляться информационно-исследовательские материалы академии, в частности, через его помощника Б. Г. Владимирову, которого я хорошо знал еще по работе в Отделе пропаганды.

На той встрече 19 августа 1989 г. Андропов выглядел уже довольно плохо. Он сильно похудел и как-то осунулся. Было видно, что он «долго не протянет». Давала знать о себе тяжелая болезнь. Через несколько дней, в конце августа, он ушел в отпуск, а в середине сентября попал в больницу и, хотя продолжал заниматься делами, но на работу уже больше не вернулся. В феврале следующего года его не стало.

Воспроизводя в памяти атмосферу и события конца 1982 — начала 1984 гг., нельзя не сказать о том, что деятельность Андропова во многом резко контрастировала с последними годами брежневского руководства — временем разложения и маразма. Было покончено с пустопорожней болтовней и хвастовством, славословием и заторможенностью в действиях. Широкий отзвук получила статья Андропова в журнале «Коммунист» (1983, № 3). Скромность, деловой подход импонировали обществу. Люди видели: пробивается что-то свежее, новое, идущее от назревшей потребности обновления жизни.

Вместе с тем фигура эта противоречивая, отразившая всю сложность, весь драматизм общественно-политического развития страны. Андропов чувствовал остроту назревших экономических и социальных проблем. Не обладая ни знаниями, ни практическим опытом в области управления народным хозяйством он стремился даже чисто волевыми методами заставить заниматься реорганизацией экономического управления, и в частности, проводившимся, как говорили тогда, крупномасштабным экспериментом по внедрению полного хозяйственного расчета.

Каким-то природным чутьем он понимал: без экономической реформы не обойтись.

К слову, однажды бывший ректор Высшей партийной школы и очень мною уважаемый человек — Николай Романович Митронов рассказал мне, как Юрий Владимирович Андропов, работавший тогда председателем КГБ, сдавал экстерном экзамены по программе Высшей партийной школы. Систематического высшего образования он не получил, но его выступления, речи да и простое общение оставляли впечатление о нем, как о грамотном, высокоэрудированном человеке.

А вот еще один факт, характеризующий противоречивость действий Андропова. На сей раз в кадровой политике. Вскоре после того, как он стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, Г. А. Алиев был выдвинут первым заместителем Председателя Совета Министров. Эта акция повергла в глубокое недоумение общественность, которая незадолго до этого была поражена и удивлена маскарадом, устроенным Алиевым по случаю приезда Брежнева в Баку. Последовало довольно странное объяснение, что, дескать, вопрос о переводе Алиева в Москву был предрешен еще при Брежневе. Но ведь речь шла о серьезном повороте политики от брежневского курса. Не был встречен аплодисментами перевод в Москву Г. В. Романова.

То, что мне удалось видеть и слышать на одном заседании Политбюро брежневского периода, подтверждает: Андропов верой и правдой служил Брежневу, отбивая любые, даже малейшие попытки, в частности со стороны Косыгина, высказывать самостоятельные суждения.

С именем Андропова, безусловно, связан широкомасштабный план борьбы с диссидентами и их устранения с политической арены самыми различными способами — судебное преследование, помещение в «психушку», выдворение из страны и т. д. Диссидентское движение действительно было рассеяно, хотя почва, его порождающая, естественно, оказалась нетронутой.

Для меня всегда оставался открытым еще один вопрос. Ведь Андропов значительно более, чем кто-либо другой знал обо всех

слабостях Брежнева, художествах его окружения, а противодействие, насколько известно, оказывалось лишь Щелокову, которого он и удалил после смерти Брежнева быстро и совершенно справедливо. А другие дела? Или не дошли руки, или, чувствуя свою ответственность, он их попросту хотел замять и покрывал.

Так мне представляется непростая картина первой, робкой попытки оздоровления и обновления страны. Андропов — предтеча перестройки? В определенном смысле — да. Но на него, конечно же, давил сильнейший груз прошлого и чтобы освободиться от него, судьба отвела ему слишком мало времени.

«ЭМБРИОНАЛЬНЫЙ ПЕРИОД»

Приход к руководству Черненко после быстрой кончины Андропова с нескрываемой радостью и оживлением восприняли те силы в партии, которые были возвращены в брежневские времена. Это вполне устраивало когорту престарелых руководителей, возглавлявших региональные и ведомственные епархии, ибо создавалась гарантия невмешательства в их дела, возникновения своего рода «охранных» зон, свободных от критики.

Все, правда, понимали, что дни Черненко сочтены, но может быть, слишком далеко не заглядывали вперед и молчаливо исходили из того, что на смену Черненко придет примерно такой же руководитель. Острословы приписывали правящей геронтократии девиз — «умрем все генеральными секретарями».

В этой обстановке к Горбачеву со стороны его коллег по Политбюро сложилось настороженное отношение, ибо чувствовалось, что он, пожалуй, единственный из них, кто не захочет мириться с сохранением вотчин и зон, свободных от критики, атмосферой застойности при внешнем благополучии. К тому же, безусловно, Андропов ему доверял, поддерживал и выдвигал его, при Андропове фактически Горбачев вел многие дела.

Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, что была письменная рекомендация Андропова в отношении Горбачева как своего возможного преемника, которая якобы им самим была включена в выступление на Пленуме ЦК, а затем исчезла из текста, зачитанного на заседании.

Но хорошо знаю из общения с прогрессивно мыслящими людьми в партии и в ЦК, что именно с Горбачевым тогда связывались надежды на будущее. Это чувствовал и сам Горбачев. Но он впоследствии говорил нам, что не считал себя психологически готовым к роли первого руководителя партии и государства,